

«Хэ Бянь! Почему ты всё ещё не ушёл?!»

Хэ Бянь растерянно блуждал мыслями, когда во двор ворвался ещё один голос. Он с радостью поднял голову, но, расслышав и разглядев говорящего, его взгляд снова потускнел.

Тянь Ун взволнованно сказал:

«Ты не уходишь — хочешь умереть вместе со всеми? Почему ты такой же упрямый, как старый предок Тянь?!»

«Старый предок Тянь... что с ним?»

Хэ Бянь резко спросил, охваченный тревогой.

До сих пор единственной сладостью, которую он когда-либо пробовал, были те конфеты, что в детстве покупал ему старый предок Тянь.

В детстве, когда дети из других семей ели сладости, он знал, что не достоин их. Но всё равно жадно смотрел, не в силах оторвать взгляд, и даже, глядя, как другие едят, не мог сдержать слюны.

За такой вид он ещё легко отделялся лишь насмешками и отстранением — чаще всего это заканчивалось коллективной дракой.

И только старый предок Тянь был единственным, кто покупал ему сладости.

Когда ему было семь-восемь лет, он часто тянулся к нему, лип, звал его дедушкой. Из-под подрёпанного края одежды старик доставал для него батат. Даже в разгар зимы, стоило откусить — он всё ещё был тёплым. Этот вкус Хэ Бянь помнил до сих пор.

Но потом старый предок Тянь, увидев его, стал обходить стороной. Хэ Бянь так и не понял, в чём провинился.

Впрочем, к тому, что его отвергают, ему, наверное, следовало привыкнуть — не стоило больше ни на что надеяться. Хэ Бянь быстро это принял, и позже, если издали замечал старого предка Тяня, сам сворачивал в сторону.

«Старый предок Тянь? Да он отказывается уходить! Говорит, если уж умирать, то в родовом доме! Его трое сыновей и пальцем не шевелят — считают его обузой!» - Тянь Ун беспомощно и с раздражением кричал сквозь проливной дождь.

Сердце Хэ Бяня сжалось, и, не говоря ни слова, он выбежал под дождь.

«Эй, ты куда?!»

В доме старого предка Тяня в этот момент стоял настоящий переполох: куры метались, собаки лаяли, повсюду слышался детский плач. Трое сыновей из разных ветвей семьи яростно делили имущество — за каждую коромысло, за каждую скамью спорили до багровых лиц, доходя до драки. Под крышей, где царил полный хаос, старый предок Тянь лишь сжался в углу, молча глядя на ливень, спокойно ожидая своей участи.

Одну скамью утащил второй сын. Старший, хоть и был недоволен, не смог отбить её силой, и потому только выругался в сторону сидящего в углу старика:

«В деревне говорят, ты самый трудолюбивый! А я смотрю — всю жизнь вкалывал, а в итоге всего-то пара табуреток да эта развалюха! Ты что, так и собирался прожить всю жизнь в нищете?!»

Старый предок Тянь ничего не ответил. Капли дождя будто бы попали ему в уголки глаз и затерялись в глубоких морщинах.

Второй сын тоже заговорил:

«Вот именно, отец. Если бы у тебя был язык и ум, как у плотника Тяня, нам, троим братьям, разве пришлось бы драться за такие мелочи? Сейчас Хэ Бянь — уважаемый всеми в деревне живой бессмертный, даже Тянь Дэфа он свалил, а сам глава рода к нему с почтением относится. В детстве ты ему помогал — сходи к нему, попроси, чтобы он выделил нам немного общинной земли. Тогда наша семья хотя бы будет сыта».

Третий сын подхватил:

«Верно, за спрос ведь денег не берут. Получится или нет — другой вопрос, но Хэ Бянь не может оказаться неблагодарным. Отец, сходи поговори. Тогда у нас еды не было, а ты ему приносил зерно. Если он до сих пор жив, значит, ты ему жизнь спас. Иначе он бы давно умер от голода».

Старый предок Тянь гневно расширил глаза, открыл рот, чтобы прикрикнуть, но не смог вымолвить ни слова. Из груди вырвался лишь беззвучный выдох, полный горечи и тоски.

Трое сыновей знали его упрямый нрав — спорить было бесполезно. Они принялись собирать своё имущество, спеша эвакуироваться в горы за домом.

Когда Хэ Бянь добежал до дома старого предка Тяня, он увидел его в углу — будто забытым и брошенным, одиноким. Хэ Бянь поспешно подбежал:

«Предок, почему вы не уходите?!»

Старик приоткрыл опущенные веки. Узнав Хэ Бяня, он распахнул глаза шире и с удивлением сказал:

«Почему ты всё ещё не ушёл?»

Увидев, что Хэ Бянь пришёл именно к нему, в его высохших глазах проступило тепло:

«Глупый ребёнок... Ты ведь столько сделал, чтобы выбраться из деревни. Зачем ты пришёл ко мне? Быстро уходи. Плотина долго не выдержит — когда её строил Тянь Дэфа, он сэкономил на работах».

Хэ Бянь тревожно сказал:

«Не говорите больше, давайте скорее поднимемся в горы, укроемся от дождя!»

Лицо старого предка Тяня было, как сухое дерево:

«С моим телом я всё равно умру в горах, да ещё буду им в тягость. Лучше уж умереть в старом доме. Нет смысла зря метаться и ловить на себе чужие косые взгляды».

Подбежавший следом Тянь Ун не ожидал, что Хэ Бянь придёт уговаривать старого предка. На самом деле он почти не знал Хэ Бяня и даже не осмеливался на него смотреть — только

чувствовал, что тот обладает настоящими способностями. Но нынешнее бедствие было слишком велико — даже с умением тут, казалось, не справиться.

И всё же Тянь Ун не удержался:

«Хэ Бянь, может, попробуешь помолиться Бодхисаттве? Ты ведь можешь призывать духов предков — вдруг получится призвать и божество?»

Хэ Бянь знал, что не сможет. Но, встретившись с едва заметной надеждой и ожиданием в глазах старого предка Тяня, он сжал кулаки — и решил рискнуть.

Если он мог стать призраком и переродиться, значит, на небесах действительно существуют боги.

Хэ Бянь опустил на колени, сложил ладони. Тёмные, тяжёлые потоки дождя заслонили небо — взгляд не мог пробиться сквозь них, и от этого в душе поднимался страх. Перед лицом стихийного бедствия они были всего лишь ничтожными насекомыми.

Хэ Бянь закрыл глаза, его лицо стало сосредоточенно-благоговейным.

«Боги... прошу вас, взгляните на жителей этой земли. Пусть каждый из нас далёк от совершенства, но все мы искренне стараемся жить...»

«А! Дождь... дождь правда стал слабее!»

У его уха раздался заикающийся от изумления голос Тянь Уна. Хэ Бянь поспешно открыл глаза — и действительно: потоки дождя уменьшились, тяжёлая чёрная завеса начала подниматься. Но он знал, что это не имеет отношения к его молитве — просто, судя по прошлой жизни, дождь мог прекратиться в любой момент.

И всё же, увидев, что ливень стихает, Хэ Бянь не смог скрыть радости. Даже старый предок Тянь резко поднялся, протянул дрожащую руку под дождь:

«Правда... правда стал меньше! Хэ Бянь, у тебя и впрямь появились божественные силы!»

Старик плакал от счастья — будто открытие силы Хэ Бяня радовало его даже больше, чем прекращение дождя.

Трое его сыновей, услышав крики, выбежали из дома. Они ещё не успели обрадоваться, как со стороны задней горы раздался оглушительный грохот, пригвоздивший их к месту.

В оцепеневшей тишине чей-то дрожащий, полный ужаса голос прошептал:

«Дамба за горой... прорвало!»

Хэ Бянь почувствовал, будто его ударили по голове — всё вокруг на мгновение поплыло. Краем глаза он увидел, как Тянь Ун стремительно взвалил старого предка Тяня на спину, лицо его перекосилось от напряжения, и он закричал:

«Бежим, Хэ Бянь! В горы!»

Чжоу Ци... Чжоу Ци ещё не пришёл!

Но Хэ Бянь понимал — оставаться на месте он не мог.

Хэ Бянь стиснул зубы, силой подавляя слёзы. Ему нужно было бежать и смотреть под ноги — сейчас нельзя плакать. Он лишь радовался, что Чжоу Ци больше не глупец — тот должен понять, что нужно бежать в горы.

Дождь хоть и ослаб, но тёмное, давящее небо всё так же висело над головами. Хэ Бяню казалось, что он задыхается. Одежда промокла насквозь, холод пробирал до костей — словно тот саван из прошлой жизни. Капли дождя понемногу отнимали у него силы, гасили надежду.

Почему всё, чего он желает, неизменно рушится?

Он хотел прожить жизнь с Чжоу Ци — почему же сейчас им приходится стоять перед разлукой, возможно, навсегда?

Если его судьба — быть отвергнутым и проклятым, то он ни за что не сдастся!

На кончике языка у него появился привкус крови. Он должен выжить. Должен жить — как следует.

Соломенные сандалии Хэ Бяня облепились грязью; стоило наступить — нога скользила далеко вперёд, отдавая болью в бёдрах. Тело шаталось, будто крошечная лодка в бушующем море.

Тянь Ун, неся старика на спине, тоже не мог идти быстро. Его ноги дрожали, но он боялся упасть — если он упадёт, старик не выживет. А старый предок Тянь, заливаясь слезами, говорил:

«Отпусти меня! Бегите сами! Я прожил всю жизнь в страданиях — больше не хочу жить!»

Тянь Ун ответил:

«Всю жизнь ты жил ради сыновей. Теперь поживи ради себя!»

Хэ Бянь тоже сказал:

«Предок, пока жив — есть надежда. Если умрёшь, то всё действительно закончится!»

В этот момент из деревни донёсся звон гонгов и барабанов. Трое не понимали, что происходит — подумали, что это сигнал к бегству в горы. Но сквозь шум дождя слышались радостные крики, словно люди, пережившие бедствие.

Что происходит?

Они переглянулись.

Старший сын Тянь, неся на спине ящик, сбегал с горы. Молодой и сильный, он в несколько прыжков оказался перед Хэ Бянем. Даже не успев сбросить ношу, он рухнул на колени в грязь и начал бить поклоны.

Хэ Бянь ничего не понимал.

А затем всё больше и больше жителей подбегали и тоже падали перед ним на колени.

Что вообще происходит?

Племянница старухи У, откинув с лица мокрые, перепачканные травой волосы, дрожащими

глазами указала в сторону задней горы:

«Боже мой... ваш Хэ Бянь в деревне и правда обладает божественной силой! Он... он расколол гору, сдвинул вершину и перекрыл поток — дамбу снова удержало!»

Хэ Бянь посмотрел в указанном направлении — и увидел, что у узкого прохода в горах за деревней, прямо у обрыва, неожиданно возвышается совершенно незнакомая вершина. А чуть дальше цепь гор будто была рассечена надвое — обнажились изломанные склоны и обрушенные утёсы.

Хэ Бянь от изумления не мог закрыть рот.

Он ни за что не осмелился бы присвоить себе такую небесную заслугу.

«Это не я... правда не я».

Но как бы он ни пытался объяснить, людей становилось всё больше — они один за другим падали перед ним на колени и били поклоны.

Старый предок Тянь решил, что Хэ Бянь просто боится, что деревенские, узнав о его силе, начнут требовать ещё большего, потому и отнекивается. Он сказал:

«Хэ Бянь, признайся уже. Такая великая заслуга — твоя. Я знаю, ты затаил обиду на деревню, но у этих людей нет злого сердца. Мы все поняли свои ошибки. Дай нам шанс исправиться».

Даже Тянь Дэфа дрожал, глядя на Хэ Бяня с благоговейным страхом.

Хэ Бянь молча смотрел на людей, стоявших на коленях. И вдруг резко развернулся и побежал к дому семьи Тянь.

Чжоу Ци.

Он сорвался с места — и за ним шумной толпой устремились жители. Хэ Бянь не обращал внимания на грязь, на скользящую под ногами землю. Добежав до ворот двора, он внезапно замер.

Чжоу Ци, услышав шаги, обернулся — и увидел, как Хэ Бянь стремительно вбегает внутрь. Он ещё не успел разобрать, что на его лице — дождь или слёзы, как Хэ Бянь уже крепко обнял его за талию, уткнувшись лицом. Холодная ткань на груди Чжоу Ци постепенно пропиталась тёплой влагой.

В этот момент у ворот послышались торопливые шаги. Тянь Ун подбежал первым — уже собирался ворваться во двор, как Чжоу Ци бросил на него холодный, безразличный взгляд, а затем поднял руку и мягко обнял Хэ Бяня.

Тянь Ун замер. За его спиной всё ближе раздавался топот деревенских. Он, опомнившись, встал у входа и не дал им пройти.

Глава рода, опираясь на трость и перебирая короткими шагами, поспешил следом. Увидев, что часть людей остановлена Тянь Ун, он с недовольством сказал:

«Сяобао, почему ты не пускаешь людей поблагодарить Хэ Бяня? Будь послушным, а не то дед тебя отшлёпает!»

Тянь Ун покраснел:

«Дедушка, не называй меня Сяобао! Я уже помолвлен!»

Жители рассмеялись. Тянь Ун, глядя на происходящее во дворе, невольно подумал о своей невесте — и в душе у него стало тихо и сладко.

Хэ Бянь оказался крепко прижат к Чжоу Ци. Его широкие, надёжные плечи заслонили весь внешний мир. Хэ Бянь невольно забыл обо всём вокруг — ему хотелось лишь подольше оставаться в этих объятиях, наслаждаться этим редким чувством покоя.

Но, услышав, как глава рода назвал Тянь Ун "Сяобао", он слегка вздрогнул, шевельнул ушами и вырвался из объятий. Подняв взгляд, он тут же столкнулся с десятками глаз у входа во двор.

Щёки Хэ Бяня залились жаром, но в этот момент жители снова один за другим опустились на колени, называя его "живым бессмертным" и осыпая словами благодарности.

Хэ Бянь не знал, как всё объяснить. Он велел им разойтись, но никто не уходил. И тут, кстати, у Чжоу Ци громко заурчал живот. Хэ Бянь тут же громко сказал:

«Кто-нибудь, приготовьте еду и принесите сюда! И побольше!»

Услышав это, люди поспешно вскочили и наперебой побежали прочь.

«Хэ Бянь только что призывал богов — силы наверняка истощились, он быстро проголодается! Зарежем нашу курицу!»

«Он ведь настоящий живой бессмертный! Еду нужно готовить, как для жертвоприношения предкам — нельзя проявить неуважение!»

<http://bllate.org/book/17226/1617195>